

Т. А. Мальчикова

Науч. рук. – Е. Л. Гречаникова, ст. преподаватель

РЕЦЕПЦИЯ РОМАНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В ПОВЕСТИ Г. САДОВНИКОВА «ИДУ К ЛЮДЯМ»

Важная часть советского кинематографа – фильмы о вечерних школах для рабочих. Сценарий к советской комедии «Большая перемена» (1973 г.) был создан на основе повести Г. Садовникова «Иду к людям» (1962 г.). Предмет исследования в данной статье – специфика рецепции романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в повести «Иду к людям», для художественного мира которой произведение русского классика становится важным аспектом. Проводится анализ особенностей интерпретации и трансформации романа «Евгений Онегин», его сюжетообразующих и др. функций в повести.

Фильмы о школе – важная часть советского кинематографа. Среди известных кинолент данной тематики можно назвать следующие: «Дикая собака Динго» (1962), «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён» (1964), «Доживём до понедельника» (1968), «Перевод с английского» (1972), «Ключ без права передачи» (1976), «Розыгрыш» (1976), «Доброта» (1977), «Расписание на послезавтра» (1978), «Вам и не снилось» (1980), «Дорогая Елена Сергеевна» (1988) и мн. др. Стоит отметить, что важным становится образование не только детей, но и взрослых. Появляются фильмы о вечерних школах для рабочих: «Весна на Заречной улице» (1956 г.), «Большая перемена» (1973 г.).

Четырёхсерийный фильм «Большая перемена» (1973 г., реж. А. Коренев) создан на основе повести «Иду к людям» (1962 г.) писателя и сценариста Георгия Садовникова. К слову, повесть содержит элементы автобиографии: после получения педагогического образования автор работал в вечерней школе.

Предметом исследования в данной статье является специфика интертекстуального диалога в повести «Иду к людям» (1962 г.) и сценарии к фильму «Большая перемена» (1973 г.), а именно обращение к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин», специфика интерпретации классического текста.

Один из ключевых эпизодов повести – подготовка девятым «А» классом под руководством учителя литературы Светланы Афанасьевны постановки по роману А. Пушкина «Евгений Онегин», в которой учителю истории Нестору Петровичу, главному герою повести

Г. Садовникова, по стечению обстоятельств приходится исполнить роль Татьяны Лариной.

Известное произведение русской классической литературы становится своего рода «текстом в тексте»: Нестор Петрович по секрету узнаёт, что «...филологичка и группа – а теперь труппа – с энтузиазмом репетируют “Евгения Онегина”» [1, с. 258]. Роль классической литературы в воспитании взрослых «школьников» неоднократно подчёркивается. Так, обсуждая с учителем истории нюансы будущей постановки, учитель русской литературы Светлана Афанасьевна восклицает: «Нестор Петрович, если бы книга и вообще искусство стали для них важны как воздух, как потребность дышать, *я бы ради этого отдала всё!*» [1, с. 259].

По словам Т. С. Злотниковой и А. В. Самсоновой (статья «Театральная интерпретация классики как культурный опыт постсоветской эпохи»), «главной задачей театральных интерпретаций классики, как показывает историко-культурный опыт, является переосмысление классики и предложение своего варианта трактовки смыслов, заложенных автором в произведение» [2]. Между героями пушкинского романа и учениками нередко проводятся параллели. Выбор исполнителя той или иной роли всегда сопровождается аргументами и сравнениями: совпадение социального статуса, наличие внешнего сходства, «жизненные» обстоятельства, схожесть характеров и др. Зачастую логика таких параллелей сомнительна и носит юмористический характер:

– <...> Так, *Федоскин исполнит арию Ленского. Правда, под гитару. Но по-моему, в этом нет ничего пошлого. Как по-вашему, я права?*

– Что ж, это вполне допустимо. *Ленский – бывший студент, а гитара – спутница студентов* [1, с. 259].

«...он [Ганжа] – Зарецкий. Секундант, сам дуэлянт – его стихия» [1, с. 260].

Нестор Петрович с иронией спрашивает: «*А кто у вас Онегин? Неужто Ганжа?*» [1, с. 260]. Шуточное предположение учителя истории оказывается неверным: роль Онегина будет исполнять ученик Пётр Тимохин. Светлана Афанасьевна объясняет: «Тимохин сам поставил такое условие, в сущности ультиматум: *он – Онегин, Татьяна Ларина – Коровянская*» [1, с. 260].

Нестор Петрович знает о взаимоотношениях Тимохина и Коровянской и догадывается, что Пётр задумал «открыться прямо на сцене и там же предложить свои сердце и руку» [1, с. 261]. Такой замысел противоречит сюжету классического произведения. Учитель русской литературы напоминает, что Татьяна отказала Онегину, однако в данных условиях восприятие текста меняется. Классический сюжет

трансформируется, подстраиваясь под «новых» героев: «...Может, на этот раз Татьяна скажет Евгению “да”» [1, с. 261].

Нередко герои повести обращаются к примерам из текста с целью мотивировать, вдохновить исполнителей ролей. Например, Светлана Афанасьевна, требуя от учеников большей эмоциональности и вовлечённости восклицает: «Сейчас *каждый из вас Пушкин!* <...> Да, да, это вы написали “Онегина”! Поэт был человеком живым, страстным, фонтаном эмоций. А *где ваш темперамент?*» [1, с. 265].

Как и полагается советскому педагогу, Светлана Афанасьевна обращается к пушкинскому роману с воспитательной целью. Например, показывает, «как следует читать Пушкина», и делает это, по мнению Нестора Петровича, «неплохо» [1, с. 266]. Перед выступлением, поддерживая учеников, Светлана Афанасьевна, вероятно, зная текст романа практически наизусть, напоминает: «Забыли строчку, не паникуйте, я подскажу» [1, с. 268].

Кульминация истории о постановке «Евгения Онегина» – побег Вики Коровянской, ученицы, выбранной на роль Татьяны Лариной, накануне выступления. «Всё пропало! Какой “Онегин” без Татьяны?» [1, с. 270] – произносит Светлана Афанасьевна, понимая, что классическая история, написанная А. Пушкиным, рушится.

Комически трансформируется роман «Евгений Онегин» в тот момент, когда Нестору Петровичу приходится выйти на сцену в образе Татьяны. Пока нового «актёра» гримируют, ситуацию в зале пытается спасти один из учеников, Григорий Ганжа, потому что «*Пушкин не учёл в своём романе такой оборот*» [1, с. 272].

Между «Зарецким» и «Онегиным» выстраивается следующий диалог-импровизация, в котором происходит выход за рамки художественного стиля. Реплики актёров содержат разговорную лексику, которая к тому же является очевидным анахронизмом по отношению к золотому веку русской литературы:

– Зарецкий! А ты выскочил зачем? Дуэль будет потом.

– Да вот узнал о твоей *свиданке* и решил убедиться, всё ли у тебя *в норме*. Всё-таки друг. Или не друг? – испытующе спросил Зарецкий [1, с. 272].

В вышеприведённом диалоге также реализуется одна из особенностей поэтики постмодернистского текста: разрушается граница между художественным миром и реальностью. К слову, подобное можно наблюдать в пьесе английского драматурга и сценариста Тома Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» (1966 г.).

На глазах у зрителей одновременно развивается сюжет пушкинского романа и выяснение отношений между актёрами (учителем истории Нестором Петровичем и его учеником Петром Тимохиным).

Классический текст, сливаясь с действительностью, приобретает черты абсурда:

– Онегин, вы что? Неужели меня не узнаете? Это же я – Татьяна Ларина! Решила вручить письмо сама. Так будет надёжней. Оно сугубо личное. [1, с. 273].

– ...«Я к вам пишу – чего же боле...» У вас по физике вторая двойка! Чем вы можете объяснить этот нонсенс?

– Нестор Петрович, «вы ко мне писали, я прочёл души доверчивой признанья...». Про нонсенс не знаю, а двойка, ведь я же репетировал! <...>

– Онегин, «теперь я знаю, в вашей воле меня презреньем наказать...». А репетиции не должны мешать учёбе... [1, с. 274].

Стоит отметить, что новая, каламбурная интерпретация, представленная школьному коллективу, оказывается успешной: «труппу трижды вызвали на бис» [1, с. 275].

Таким образом, вольная переделка «Евгения Онегина» А. Пушкина, частично превратив роман в абсурдную постановку, тем не менее способствует реализации стимулирующих, педагогических, воспитательных целей. Подобная комическая трансформация позволяет по-новому трактовать идеи и смыслы, заложенные автором в произведение.

Список литературы

1 Садовников, Г. Большая перемена (Иду к людям) : повесть / Георгий Садовников. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. – 320 с.

2 Злотникова, Т. С. , Самсонова А. В. Театральная интерпретация классики как культурный опыт постсоветской эпохи // Верхневолжский филологический вестник. 2021. №1 (24). [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teatralnaya-interpretatsiya-klassiki-kak-kulturnyy-opyt-postsovetskoy-epohi> (дата обращения: 04.05.2026).